

УДК 821.111
ББК 84(7Сое)
К 47

Серия «Мастера ужасов»

T.E.D. Klein
THE CEREMONIES

Перевод с английского: *Александра Миронова*

В оформлении обложки использована
иллюстрация *Валерия Петелина*

Дизайн обложки: *Юлия Межова*

© T. E. D. Klein, 2020

© Александра Миронова, перевод, 2020

© Валерий Петелин, иллюстрация, 2020

© ООО «Издательство АСТ», 2020

ЗАМЕТКА ОТ АВТОРА

Часто говорят...

Но с чего я в первой же строке прибегаю к такой неопределенной и безвольной манере? Все потому, что дальнейшее наблюдение, кажется, приписывалось (если верить всемирной паутине) почти дюжине выдающихся личностей, от да Винчи до Уистена Одена.

Итак, повторяюсь: часто говорят, что произведение искусства нельзя завершить — можно лишь прекратить работу над ним. И пусть у меня не достанет смелости отнести эту книгу к произведениям искусства, работа над ней определенно прекратилась, и даже раньше, чем мне бы того хотелось. Я задержался — кто-то может добавить: «как обычно» — с рукописью, и на протяжении следующих недель и месяцев не укладывался в установленные издателем сроки для сдачи исправлений. Помню, как буквально в последний момент менял что-то в тексте, уже поднимаясь на лифте в офис издательства «Викинг» (впрочем, если вспомнить, что в то же время я редактировал

ЗАМЕТКА ОТ АВТОРА

журнал «Сумеречная зона», вовсе поразительно, что я сумел закончить книгу).

Вдобавок ко всему, — скорее всего, из-за моих задержек, — издание в твердом переплете так и не было как следует вычитано. Так что, отправляя книгу в свет во второй раз, больше тридцати лет спустя, я постарался исправить кое-какие обороты, которые казались мне неуклюжими, а заодно избавился от нескольких ошибок и несоответствий. И хотя эти изменения вряд ли заметит кто-то, кроме меня, новая версия мне нравится куда больше.

Впрочем, я даже не пытался подновить текст. Впервые роман «Церемонии» был издан в 1984 году, но повесть «События на ферме Поротов», из которой он вырос, я написал в начале семидесятых. Поэтому события в книге разворачиваются в мире без сотовых телефонов и интернета, а упомянутые в ней места выглядят теперь совсем иначе, хотя определенно не лучше. С тех пор изменились представления об опасности (сигареты, загар), а также зарплаты, цены на продукты и арендная плата. Можно даже сказать, что прошлое — чужая страна... Хотя, кажется, и это тоже уже говорилось прежде.

Представьте себе, никаких ноутбуков! Никаких электронных книг! Предлагаю вам вернуться в этот странный исчезнувший мир.

Т. Э. Д. КЛАЙН. ЦЕРЕМОНИИ

ПРОЛОГ: РОЖДЕСТВО

Лес полыхал.

Стена огня и дыма воздвиглась от края до края, заслонила звезды и окрасила багровым ночное небо. Растительность съезживалась, и ее тут же поглощало пламя. Громадные деревья с воплями рушились на землю, как умирающие боги под напором жестокого урагана, и рокот их гибели разносился вокруг, как вой тысячи ветров.

Семь дней неугасимо и свободно ярилось пламя. Остановить его было некому. Никто, кроме рассыпанных по округе племен менго и унами, в ужасе бежавших из своих жилищ, не видел, как оно родилось. Некоторые среди них поговаривали, что в тот вечер с неба упала звезда и рухнула в гуще лесов. Другие утверждали, что всему виной молния или непонятная красная жидкость, что сочилась из земли.

Возможно, все они ошибались.

Сойдемся на том, что описанные здесь события начались так же, как однажды закончатся.

Загадочно.

Всю ночь шел дождь и наконец загасил пламя. Утреннее солнце взошло над царством пепла, над серой пустыней без единого дерева, без единого следа жизни. Лишь в самом ее сердце высился обгоревший остов древнего тополя — самый высокий объект на много миль вокруг.

Дерево погубило. Но среди его ветвей, за пеленой все еще поднимающегося от земли дыма, таилось нечто живое; существо, гораздо более древнее, чем человеческий род, и мрачнее огромных, не видевших солнца пещер на какой-нибудь планете в самом отдаленном уголке Вселенной. Оно дышало, строило планы и ощущало неминуемую смерть — и все же продолжало жить.

Оно не было частью природы. Одинокое. Безымянное. Затаившись черной головешкой среди обугленных ветвей высоко над дымящейся землей, существо выжидало. Огонь искалечил его тело. Одну из конечностей пожрало пламя. Там, где прежде были голова и некое подобие лица, осталась лишь осыпавшаяся масса, похожая по виду и фактуре на уголь. И все равно существо цеплялось за жизнь с таким же упорством, с каким его когти обхватывали ветвь. Оно расчетливо выживало. Ему надо было кое-что сделать перед смертью. Время еще не пришло. Но существо было терпеливым. Оно закрыло единственный оставшийся глаз и приготовилось ждать. Время придет.

Т. Э. Д. КЛАЙН. ЦЕРЕМОНИИ

Вращалась Земля. Росла и уменьшалась Луна. Возвращались, жадно нащупывая путь среди пепла, растения. Шрам на поверхности планеты затерялся под зеленым пологом, к солнцу вновь потянулись прямые стволы высоких деревьев.

Только небольшая роща неподалеку от сердца пожарища выглядела иначе. Листва здесь была не такой густой, сами деревья росли ниже, их кора выглядела грубее, а стволы казались странно искореженными, как будто перенеслись сюда с вершины горы. Другие принимали необычные формы: расщеплялись на сотню ветвящихся лап, искривлялись или неприятно вздувались, как трупы утонувших животных. Когда с моря налетал восточный ветер и превращал лес в океан волнующихся листьев, затененная роща оставалась неподвижной.

Изменилась даже земля. По ночам она светилась, как будто под ней до сих пор полыхал огонь. Временами от земли поднимались тонкие струйки пара и вились вокруг корней и безжизненных стволов, скрывая верхушки деревьев и небо.

Индейцы редко заглядывали в этот закоулок леса, а после того, как собиравшая хворост женщина описала существо, которое заметила в ветвях мертвого дерева посреди рощи, даже перестали упоминать о нем в разговорах.

Для существа названия не нашлось, а вот роща, в которой оно поджидало, имя все-таки получила...

Ее назвали Макинеакток. Горелое место.

ПРОЛОГ: РОЖДЕСТВО

Прошел год. И еще один. И еще пять тысяч. Звезды постепенно сдвигались на своих орбитах. Небо теперь выглядело иначе.

Изменилась и сама планета. Индейцев больше не было, а лес уменьшился втрое. Поселенцы строили среди деревьев дома. Инженеры рассекали глушь дорогами. Фермеры расчищали пестрые квадраты под поля и пастбища. Повсюду возникали деревни, разрастались поселки, а где-то уже возводился город, который нес погибель еще одному миллиону деревьев.

Тут и там еще жили остатки прежних веков, потайные уголки дикой природы, куда не ступала нога человека, а громадные деревья росли как прежде, незримые и нетронутые. Впрочем, таких мест было немного, и они быстро пропадали. За какое-то столетие все тайны леса достанутся человеку.

Даже в краю, который индейцы называли Макине-акток, где лес рос гуще всего, царившая пять тысяч лет тишина нарушилась. Много месяцев назад по роще гуляло эхо далеких ударов молотка. Теперь ее сумеречное молчание в любой момент мог потревожить шум человеческих шагов.

Существо выжидало.

Мальчик еще не заблудился, но уже заплутал. Пробуя новенькие снегоступы, которые ему подарили этим утром, он по ошибке забрел в эту часть леса и внезапно обнаружил, что не может сдвинуться с места, потому что его левый ботинок утонул

Т. Э. Д. КЛАЙН. ЦЕРЕМОНИИ

в двухдюймовом слое грязи. Повсюду в лесу землю покрывало белое одеяло, но здесь зияли огромные проталины, и в лужах отражалось серое декабрьское небо.

Мальчик сделал шаг назад, вернулся на более надежную почву, отбросил с глаз прядь светлых волос и заткнул ее под вязаную шерстяную шапку. Всю дорогу ему в спину постоянно дул ветер, но теперь он стих; до сих пор ребенок этого даже не чувствовал. Облизнув обветренные губы, он огляделся и напряг слух в надежде уловить хоть какой-то звук. В зимней тишине собственное дыхание казалось ему неестественно громким.

Лес вокруг него выглядел необычно. Теперь мальчик ясно это видел. Не только из-за того, что здесь не лежал снег. Деревья были ниже и принимали странные формы. К лицу ребенка жадно тянулось кольцо безжизненных, острых как когти сучьев, а некоторые стволы и ветви сворачивались в уродливые фигуры, порождения полузабытых снов.

Мальчик зубами стянул с руки меховую рукавицу, наклонился и расстегнул сыромятные ремешки на снегоступах. Близился вечер, и его понемногу начинал одолевать голод. Дома ждал горячий гоголь-моголь, кукурузные лепешки и рождественский пудинг, спрятанный в недрах громадной чугунной печи. Старшие сестры, должно быть, помогают матери по кухне. Остальные поют гимны, и младшие дети подпевают, как умеют. Две его младшие сестры играют на половике в уголке возле печки...

ПРОЛОГ: РОЖДЕСТВО

Казалось, лес плотнее обступил мальчика, как будто пытался отрезать ему путь к бегству.

Ребенок остановился, чтобы стряхнуть грязь со штанов и подтянуть шнурки. Потом выпрямился, вытащил ноги из снегоступов, сделал шаг назад и запнулся о голый корень старого тополя. Не глядя, мальчик протянул руку, чтобы удержать равновесие...

И с криком ее отдернул. Дерево казалось теплым на ощупь, как живое существо. Но одного взгляда было достаточно, чтобы убедиться: перед ним всего лишь мертвый ствол, судя по всему, обожженный молнией или недавним пожаром.

Мальчик торопливо подобрал снегоступы, закинул их на плечо, повернулся к тополю спиной и пошел прямо на восток, куда указывали удлиняющиеся тени. Он практически вышел из рожи, хотя еще не знал верного пути домой, но, повинаясь какому-то неясному побуждению, остановился, оглянулся и увидел нечто — чудовищную черную тварь, что следила за ним с дерева.

Мальчик уронил снегоступы и бросился бежать.

Он добежал почти до самого дома.

Но не достигнув его, остановился. Потом развернулся и пошел обратно.

Он считал, что возвращается за снегоступами. Что только подберет их и тут же вернется в безопасность, к семье.

Он ошибался. Через мили снега, льда и промороженного декабрем леса его настиг зов.

Его избрали.

Мальчик никому не рассказал об увиденном. По воле зова он вернулся в потайную рощу и на следующий день, чтобы в ужасе и восхищении глядеть на прячущееся там существо. И снова тварь распахнула единственный холодный глаз и уставилась на него. Не раздалось ни звука, ничто не шевельнулось, не нарушило тишину леса.

Следующий день прошел так же.

И еще один. И еще. И один после этого.

На седьмой день тварь убила мальчика.

А потом вернула его к жизни, но к жизни исковерканной. Извращенной. Безвозвратно измененной. Мальчик ничком упал в грязь и стал поклоняться твари.

Всю весну и лето он возвращался по ночам, глядел, пел молитвы и приносил жертвы.

В последнюю ночь тварь с ним заговорила.

Она распахнула обожженные челюсти и перед самой смертью рассказала в малейших подробностях, что ему нужно сделать.

КНИГА ПЕРВАЯ.

ПРЕДЗНАМЕНОВАНИЯ

Я с давних пор придерживаюсь убеждения, что, обрети абсолютное и неукротимое Зло человеческую форму, оно явилось бы не в виде какого-то уродливого чудища или призрака в черном плаще и с горящими глазами, но обычным смертным самой безобидной и даже добродушной наружности; возможно, в облике престарелой

вдовы, школяра... или старичка.

Николас Кайзе, «Под покровом мха».

ПЕРВОЕ МАЯ

Город пульсирует в солнечном свете. Из его сердца лениво поднимается к небесам тонкая дымная спираль. Апрель скончался почти тринадцать часов назад, и мир уже изменился.

В парке над Гудзоном поджидает Старик, помаргивая на солнце кроткими глазами. Насекомые снуют

Т. Э. Д. КЛАЙН. ЦЕРЕМОНИИ

над мусором у края воды, жужжат в траве рядом со скамейкой. Если не считать их гудения, плеска маслянистой воды и шороха пролетающих мимо машин, в парке стоит тишина, воздух замер в ожидании.

Тишину разрывает крик сверху: три длинные, дрожащие ноты — и птица исчезает. Листья едва заметно покачиваются то на одной ветке, то на другой. Старик задерживает дыхание и подается вперед. Скоро начнется.

С реки налетает внезапный порыв ветра. У ног Старика рассыпаются кроваво-алые лепестки. Взвиваются страницы помятой газеты, из-под них показываются смазанные следы ботинок, голая нога, неровная рана.

Над головой Старика тревожно шипит ветер. Единой зеленой вспышкой листья поднимаются и указывают на город. Вся трава склоняется в одном направлении.

Вдалеке дымная спираль качается из стороны в сторону, а потом скручивается в петлю. Ее вершина беззвучно колышется на фоне неба и раздваивается, как змеиный язык.

Старик облизывает губы. Начинается.

* * *

Автобус несся в потоке едущих по каким-то воскресным делам автомобилей, прорезал зловонную дымку в туннеле Линкольна и мчался мимо многоквартирных домов, придорожных кафе и стоянок

